

ПОГРЕБЕНИЕ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ III в. н.э. С КЕРАМИЧЕСКИМ СТОЛИКОМ

© 2018 г. З.Х.-М. Албегова*, В.Ю. Малашев**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: albegova_zarina@rambler.ru*

***E-mail: malashev@yandex.ru*

Поступила в редакцию 23.10.2017 г.

В результате охранно-спасательных работ 2011 г. на Бесланском могильнике (Республика Северная Осетия – Алания) было исследовано нарушенное в древности парное погребение 734 (III в. н.э.), совершенное в катакомбе, характерной для аланской культуры Северного Кавказа. Из сохранившегося погребального инвентаря особый интерес представляют уникальный керамический столик на трех ножках и кружка с зооморфной ручкой, изображающей кошачьего хищника.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, III в.н.э., столик, фынг.

DOI: 10.31857/S086960630001602-1

Во II–IV вв. н.э. на равнинах центральных и восточных районов Северного Кавказа возникает большое количество городищ со сложной структурой, высокой плотностью расположения и связанных с ними значительных по площади курганных катакомбных могильников. Одним из наиболее крупных памятников является археологический комплекс, включающий Зилгинское городище и его некрополь (Бесланский могильник). Бесланский могильник находится на северо-восточной окраине г. Беслана, располагается к В от Зилгинского городища на древней речной террасе и занимает площадь около 700 га. Большая часть погребений могильника была совершена в подкурганных катакомбах. На сегодняшний день, вследствие регулярной раскопки, визуально прослеживаются лишь наиболее крупные насыпи. В остальных случаях, при раскопках, первоначальное наличие насыпей диагностируют округлые (изредка квадратные) в плане ровики с двумя перемычками в северном и южном секторах (Малашев и др., 2015). Захоронения в бескурганных катакомбах совершались в межкурганном пространстве и сосредоточены на примыкавшей к городищу части могильника, преимущественно на его периферии. Большая часть подкурганных погребений ограблена в древности, бескурганные захоронения, как правило, не нарушены. Представляет интерес бескурганное погребение 734, в состав инвентаря

которого входил керамический столик на трех ножках.

Погребение совершено в катакомбе (рис. 1). В древности катакомба была ограблена. Грабительская яма частично нарушила контур входной ямы в северо-восточной части. Входная яма трапециевидной в плане формы со скругленными углами и расширением в северо-восточной части, размерами на уровне зачистки 1.7×1.1–0.9 м, была ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. У юго-западной стенки входной ямы зафиксированы три ступеньки высотой от 7 до 12 см; верхняя ступенька частично находилась в гумусном слое. На уровне дна входная яма имела трапециевидную в плане форму с расширением в северо-восточной части, размеры 1×0.95–0.8 м. Дно ровное, с незначительным понижением к северо-восточной стенке, к входу в камеру. В заполнении придонной части и на дне входной ямы были обнаружены кости одного из погребенных, а также фрагменты кувшинчика. В северо-восточной стенке входной ямы находился вход в камеру. Входную яму и камеру соединял дромос длиной 25 см. Вход в камеру полуовальной формы высотой около 35 см и шириной 55 см; частично нарушен при ограблении. Камеру от входной ямы отделяла наклонная ступенька высотой 26 см. Камера подпрямоугольной в плане формы с сильно скругленными углами и скругленной юго-восточной стенкой ориентирована длинной осью по

линии СЗ—ЮВ. Длинные оси входной ямы и камеры — взаимоперпендикулярны. Размеры камеры — 1.55×1 м. Высота камеры — 0.7 м.

В камере было совершено парное погребение. Скелеты погребенных в той или иной степени были нарушены при ограблении. Кости скелета 1 находились во входной яме, а также в западном углу камеры (бедренная и большая берцовые кости); *in situ* сохранились кости голени правой ноги, находившиеся в северо-западной части камеры, рядом с костями ног скелета 2. Судя по их положению, погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. У скелета 2 отсутствовали кости туловища, бедренные кости и кости левой руки. Погребенная¹ также была положена в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Череп с высокой кольцевой деформацией без валика. Правая рука была вытянута вдоль тела. Ноги вытянуты и лежали параллельно друг другу.

Сохранившиеся предметы погребального инвентаря, кроме кружки и столика (рис. 1, 2 и 3), находились в перемещенном состоянии.

В восточном углу камеры, вплотную к стенке напротив черепа погребенной, находился керамический столик, на котором стояла кружка (рис. 2, 9). Кружка высотой 10 см с низким сужающимся к основанию горлом, плавно переходящим в плечики, сферическим туловом и узким дном на низком поддоне. Тулово, диаметром 10.1 см, орнаментировано широкими смыкающимися неглубокими каннелюрами. В месте максимального расширения тулова крепилась ручка, оформленная в виде реалистичного изображения кошачьего хищника, с проработкой глаз, ушей и пасти. Верхний и нижний прилепы оформлены в виде лап, с хорошо выраженными когтями. Туловище животного декорировано отпечатками штампа в виде концентрических окружностей. Кружка изготовлена с использованием гончарного круга с добавками в тесто кварцевого песка и ракушки. Наружная поверхность охристо-коричневого цвета, с пятнами серого цвета; покрыта лощением.

Столик керамический диаметром 22.5 см, на трех ножках (рис. 3). Поверхность столика сделана в виде низкой миски со скругленным дном, слабовыпуклыми стенками и низким, прогнутым в средней части бортиком. Дно изнутри украшено двумя концентрическими налипными окруж-

ностями. К основанию крепились три сравнительно массивные короткие ножки. Изготовлен с использованием гончарного круга с добавками в тесто кварцевого и черного песка. Наружная и внутренняя поверхности серого цвета, с пятнами серо-коричневого цвета; тщательно заглажены, со следами лощения.

Кувшинчик высотой 16 см с прогнутым в средней части горлом, плавно переходящим в плечики, грушевидным туловом и широким дном (рис. 2, 8). В месте максимального расширения тулова крепилась петлевидная ручка. Плечики орнаментированы поясом из трех горизонтальных желобков. Изготовлен с использованием гончарного круга с добавками в тесто кварцевого песка. Наружная поверхность темно-серого цвета, покрыта лощением. На дне фиксируются следы досок от гончарного круга и слабо выраженный отпечаток рельефного клейма в виде «круга».

Железная пряжка с округлой рамкой и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не доходящим в передней части до середины сечения рамки (рис. 2, 1).

Железная пряжка с овальной, незначительно утолщенной в передней части и уплощенной в задней части рамкой и прогнутым язычком без уступа у основания, не доходящим в передней части до середины сечения рамки. Щиток прямоугольный, незначительно изогнут; для фиксации ремня — два штифта в передней и задней части щитка. На краю щитка сохранились остатки ткани (рис. 2, 2).

Бронзовая цилиндрическая пронизь с гофрированной поверхностью (рис. 2, 3). Бронзовый пластинчатый браслет с несомкнутыми концами, один из которых частично обломан в древности (рис. 2, 4). Фрагмент круглого в сечении железного шила с обломанным острием и остатками деревянной рукояти (рис. 2, 5). Фрагмент железной иглы фибулы (рис. 2, 6). Фрагменты железного однолезвийного черенкового ножа с изогнутыми лезвием и спинкой. Лезвие слегка сточено. На черенке фиксируется древесный тлен от рукояти (рис. 2, 7).

Исследованное погребение относится к раннему этапу (II—IV вв. н.э.) аланской культуры Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009), для которой диагностичны захоронения в катакомбах типа I по К.Ф. Смирнову (1972), М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашеву (1999) (длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны). Ори-

¹ Антропологические определения выполнены н.с. Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН к.и.н. С.Ю. Фризенным.

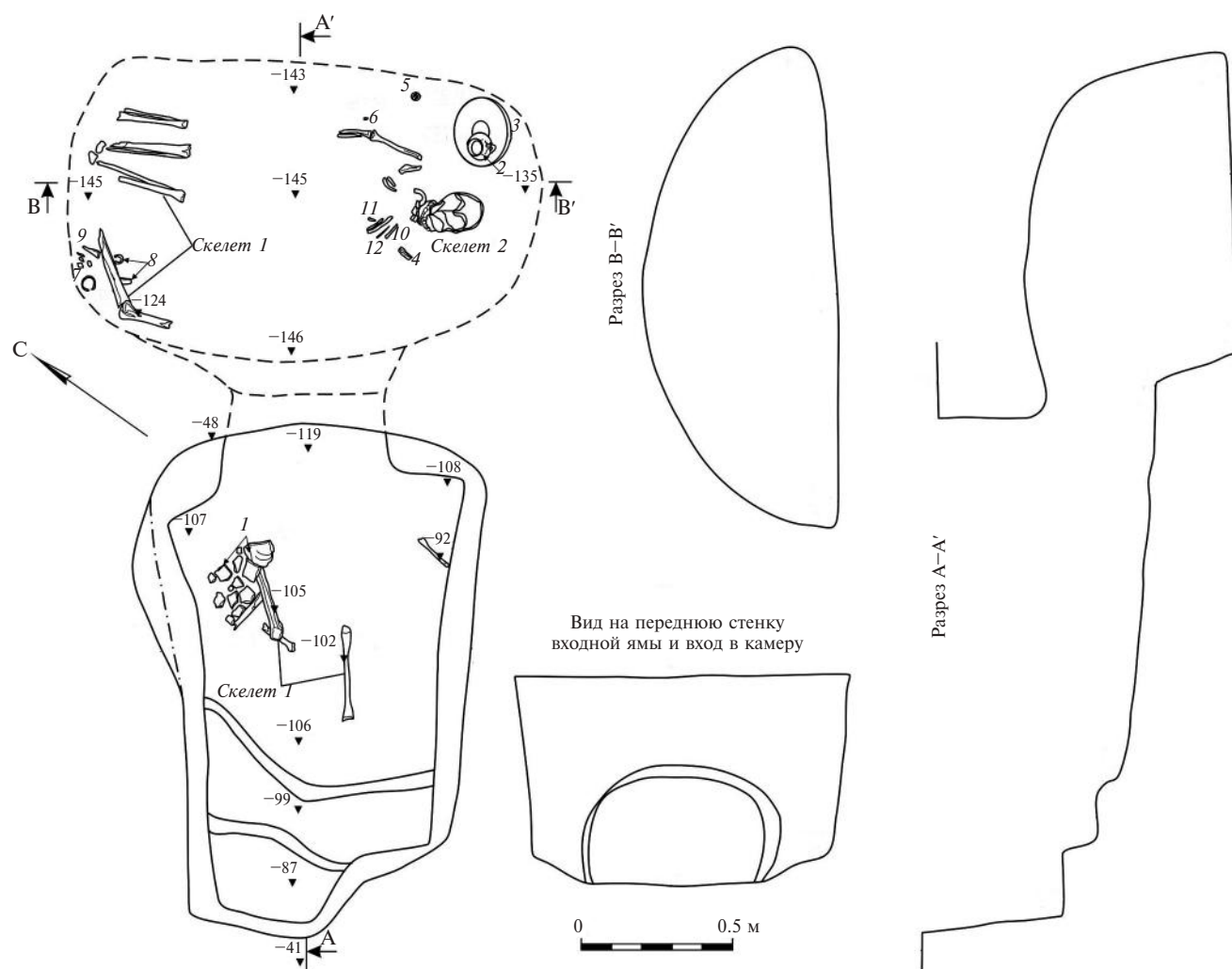

Рис. 1. Бесланский могильник, погребение 734. План и разрезы погребения: 1 – кувшинчик; 2 – кружка; 3 – столик керамический; 4 – фрагмент сосуда; 5 – пряжка железная; 6 – пронизь бронзовая; 7 – браслет бронзовый; 8 – пряжка железная; 9 – фрагменты железного ножа; 10 – фрагмент железного шила; 11 – железный язычок пряжки; 12 – фрагмент железной иглы фибулы.

Fig. 1. The Beslan burial ground, grave 734. Plan and section views

ентировка входной ямы, расположение камеры и наличие ступенек у задней стенки входной ямы находят широкие аналогии в данном культурном контексте. Отметим, что в Бесланском могильнике в целом преобладает ориентировка входных ям в секторе С/СВ–Ю/ЮЗ с расположением камеры у северной стенки с ориентировкой погребенных В–ЮВ (головой направо от входа).

Железная пряжка без щитка с округлой рамкой, железный нож, железное шило и бронзовый браслет мало показательны для установления хронологии комплекса. Более информативна железная пряжка с овальной, незначительно утолщенной в передней части и уплощенной в задней части рамкой, прямоугольным щитком и про-

гнутым язычком без уступа у основания, не достигающим в передней части до середины сечения рамки (рис. 2, 2), соотносимая с ременными застежками П1, основной период использования которых приходился на втор. пол. II – перв. пол. III в. н.э. Такие признаки, как утолщение рамки в передней части и уплощенность в задней, характерны уже для первой половины третьего столетия, скорее его ранней части (Малашев, 2000. Рис. 1; 2. С. 209). Этому в целом соответствует хронологическая оценка исследованного участка могильника (Малашев и др., 2015), что и определяет дату погребения.

Кувшинчик (рис. 2, 8) имеет ряд близких форм из погребальных комплексов региона втор. пол.

Рис. 2. Бесланский могильник, погребение 734. Инвентарь: 1, 2 — пряжки железные; 3 — пронизь бронзовая; 4 — браслет бронзовый; 5 — шило железное; 6 — фрагмент железной иглы фибулы; 7 — нож железный; 8 — кувшинчик; 9 — кружка.

Fig. 2. The Beslan burial ground, grave 734. Grave goods

II — перв. пол. III в. н.э. (Абрамова, 1993. Рис. 63, 5, 6; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 128, 6. С. 117, 118; Малашев, 2016. Рис. 44, 1).

Представляет интерес кружка с зооморфной ручкой (рис. 2, 9), выделяющаяся на фоне мелких форм столовой посуды аланской культуры выраженным морфологическим своеобразием.

Это нечасто встречающаяся форма тулова, а также наличие низкого поддона и декорирование широкими смыкающимися каннелюрами, видимо, восходящие к образцам металлической посуды. Главное отличие — выбор зооморфного образа для оформления ручки. Несмотря на то что зооморфные ручки широко распространены в контексте керамической традиции аланской

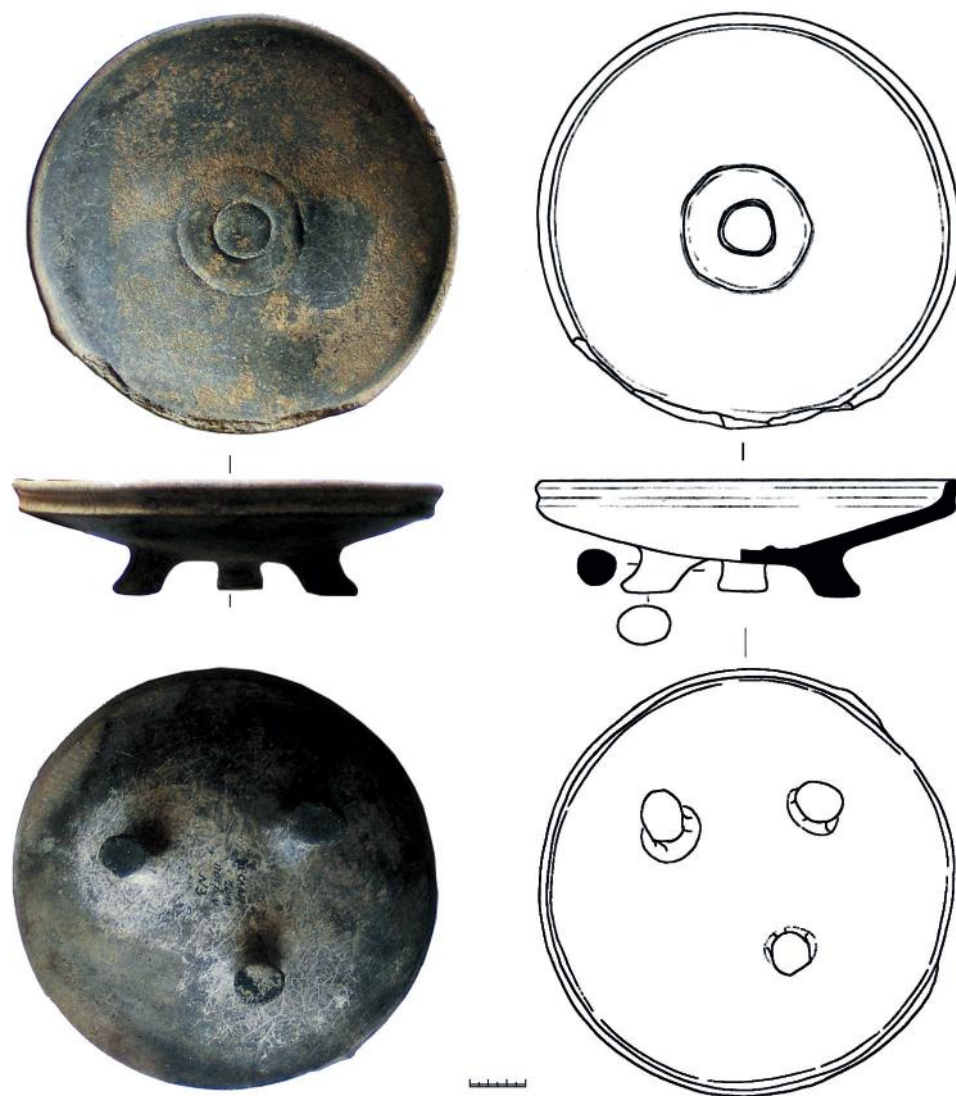

Рис. 3. Бесланский могильник, погребение 734. Керамический столик.

Fig. 3. The Beslan burial ground, grave 734. Ceramic table

культуры II–V вв. н.э., используемый набор образов был достаточно ограничен: схематичное или стилизованное изображение свиньи, значительно реже — баран и в одном случае — птица. Ручка анализируемой бесланской кружки оформлена в виде кошачьего хищника; в пользу данной атрибуции свидетельствуют укороченная морда, небольшие округлые уши и отчетливо фиксирующиеся когти на передних и задних лапах. Декорирование туловища оттисками штампа в виде концентрических окружностей напоминает окрас шкуры кавказского барса (переднеазиатского леопарда) розеткообразными пятнами. Данный образ не имеет аналогий среди зооморфных ручек аланской керамики. Ближайшие аналогии образу кошачьего хищни-

ка на посуде можно найти на ритуальных кубках и лутерии из драгметаллов, происходящих из контекста среднесарматской культуры (Засецкая, 2011. Илл. 82, б, д; 88; 91; 92; 98). Это, скорее всего, неслучайно, если учитывать, что формирование аланской культуры Северного Кавказа происходит при участии носителей среднесарматской культуры (Малашев, 2007. С. 493, 494; Габуев, Малашев, 2009. С. 148, 149), что фиксируется в двух аспектах, отражающих близость идеологических представлений и свидетельствующих об общих культурных корнях (Малашев, 2016. С. 64, 65; Малашев, Дзусев, 2016): 1) наличие тайников, содержащих парадные уздечные наборы в захоронениях знати; 2) сходство большей части мотивов и образов звериного

стиля аланской культуры с образами и мотивами на предметах из среднесарматских погребений. Это обстоятельство уже позволило поставить вопрос об участии носителей среднесарматской культуры в культуро- и, видимо, этногенезе северокавказских алан (Малашев, Дзуцев, 2016. С. 181). Керамическую кружку из погр. 734 можно рассматривать в качестве отдаленной реплики металлических сосудов, которая имитирует, в первую очередь, зооморфную ручку последних. Показательно также, что кружка находилась непосредственно на керамическом столике, что может свидетельствовать о сакральной функции обоих керамических предметов.

Уникальна находка керамической миски на трех ножках. Относительно небольшой ее диаметр и обстоятельства обнаружения (на ней стояла кружка) говорят о том, что предмет выполнял функции вотивного столика.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические находки столиков от эпохи бронзы до развитого средневековья показывают их типологическое разнообразие. Типология этих предметов пока не разработана. Наиболее древние находки не дают серий. Но в погребениях эпохи раннего и развитого средневековья, где деревянные предметы уже не столь редки, серии образуются. Попытка первично классифицировать деревянные столики этого времени была предпринята А.А. Туаллаговым. Он разделил все находки этого периода по функциональному назначению на подносы-блюда с четырьмя короткими стационарными ножками и столешницей подпрямоугольной формы и собственно столики с круглой столешницей и съемными ножками, которые имеют прямое сходство с этнографическими столиками, в частности, осетинскими фынгами (Туаллагов, 2015а. С. 102, 103; 2015б. С. 101, 102). Подносы-блюда в отличие от столиков предполагали, что человек сидел на земле или на полу. Собственно столики же предполагали наличие стульев или табуретов. Но эти столики не были столами в нашем понимании — это также были блюда, только на высоких ножках (Урзиати, 1995. С. 108).

М.С. Гаджиев и Ш.О. Давудов в одной из своих работ, посвященной столикам с круглой столешницей с четырьмя и тремя ножками, объединяют столики на высоких ножках под названием “столиков-подносов” и “столиков-блюд”, а экземпляры на низких ножках под названием “блюд на низких ножках” и “подносов на низких ножках”. М.С. Гаджиев и Ш.О. Давудов впервые

привлекли в качестве аналогий и исторической ретроспективы этим столикам керамические миски на ножках (Гаджиев, Давудов, 2010. С. 353).

Ниже мы будем использовать для обозначения описываемых предметов терминологию А.А. Туаллагова, также разделяя все предметы на столики и подносы-блюда, но понятие подносов-блюд будем применять для обозначения круглых блюд на ножках.

Следуя основной цели своего исследования, рассмотрение бесланской находки в контексте истории круглых столиков с тремя ножками на Кавказе, мы сосредоточили свое внимание на истории столиков, подносов-блюд с круглой столешницей и чаш *на трех ножках*. И все же нельзя не сказать хотя бы коротко о самых ранних из известных на Кавказе подносах-блюдах и мисках/чашах, для которых были характерны четыре ножки. Самые ранние находки керамических мисок на ножках происходят из комплексов эпохи средней бронзы (погр. 11 могильника гинчинской культуры Малый Харсеной и подкурганый склеп 6 Ирганайского I могильника: Гаджиев, Давудов, 2010. С. 353, 354. Рис. 2, 1, 3). Отметим, что на территории Ергенинской и Ставропольской возвышенностей в погребениях раннекатакомбного периода получают распространение керамические чаши-курильницы на четырех ножках (Панасюк, 2010). Кроме того, находки деревянных подносов-блюд на четырех ножках происходят из катакомбы 2 кург. 3 Манасской курганной группы и из кургана Триалети середины II тыс. до н.э. (Мунчаев, Смирнов, 1956. С. 182, 198).

Далее в истории деревянных подносов-блюд и мисок на ножках следует многовековая лакуна до эпохи раннего железного века.

Самый ранний трехногий столик на Северном Кавказе был обнаружен в кург. № 9 у с. Нартан (рис. 4, 1). Столик с литыми ножками изготовлен из толстой листовой бронзы. Круглая столешница диаметром около 35 см обрамлялась бортиком высотой 3 см. Высота столика с бортиком — 17–18 см. По свидетельству автора раскопок В.М. Батчаева столик имел следы неоднократного ремонта, то есть использовался до совершения погребения (Батчаев, 1985. С. 29. Рис. 27, 17). В.М. Батчаев разделил курганы на две группы по хронологическому признаку и отнес кург. № 9 к ранней группе², которая датиро-

² В.Г. Петренко относил кург. № 9 ко второму периоду, который датировала VI в. до н.э. (Петренко, 1989. С. 219). С.В. Махортых оценивал датировку данного кургана в рамках

Рис. 4. Столик из Бесланского могильника и аналогии ему в археологических и этнографических материалах юга России: 1 – с. Нартан, курган № 9 (Батчаев, 1985. С. 29. Рис. 27, 17); 2, 3 – городище Таргу (Гаджиев, Давудов 2010. С. 363. Рис. 2, 4, 5); 4 – Бесланский могильник, погребение 734; 5 – могильник Рим-гора, катакомба № 48 (Рунич, 1970. С. 203. Рис. 6, 1); 6 – могильник Хасаут (Рунич, 1971. С. 171. Рис. 4, 7); 7 – могильник Кольцо-гора, катакомба № 8 (Кузнецов, 1993. С. 157. Рис. 1, 2); 8 – античный столик-трапедза (Цветаева, 1984. С. 320. Табл. СХХIX, 32); 9 – склеп Анфестерия (Кузнецов, 1993. С. 157. Рис. 1, 4); 10, 11 – осетинские столики-фынги (Калоев, 2004. С. 186); 12 – аварский столик – туги (Дебиров, 1982. С. 187. Рис. 194): 1 – бронза, 2–4 – керамика; 5–8, 10–12 – дерево (8–12 – без масштаба).

Fig. 4. The table from the Beslan burial ground and its analogues from archaeological and ethnographic materials of the south of Russia

валась VI в. до н.э. с возможностью удревнения некоторых комплексов до конца VII или рубежа VII–VI в. до н.э.; время возникновения этой группы курганов синхронно времени возвращения скифов из переднеазиатских походов (С. 51, 52). Автор отмечал неустойчивость и пестроту деталей обряда этой группы, по-видимому, связанную со сложными этническими процессами, протекавшими в указанный период: в обряде и инвентаре элементы кобанской культуры переплетались с переднеазиатскими. Вместе с тем, среди находок не было предметов, выполненных в кобанском зверином стиле (С. 50).

Исследовавшая химический состав бронзовых изделий курганного могильника Нартан Т.Б. Барцева отмечала, что подавляющее большинство предметов было изготовлено в горных районах Центрального Кавказа, а также на южных склонах центральной части Кавказского хребта. Однако определение центра производства столика вызвало у нее затруднения. «Вероятно, с накоплением материалов можно будет понять аномалии в химическом составе меди ... блюда на трех ножках, касающиеся содержания сурьмы, мышьяка, висмута и наметить свои центры производства и для этого круга изделий», — писала она (Барцева, 1985. С. 125). Состав сырья не позволяет уверенно говорить о том, был ли этот предмет импортным или произведен на Кавказе³. Следы неоднократных починок металлического столика из Нартана могут свидетельствовать об активном его использовании. Вместе с тем, у нас пока нет доказательств распространенности именно такой формы столиков у скифов Кавказа. Деревянных экземпляров до нас не дошло вследствие плохой сохранности дерева. Пока можно лишь констатировать, что этот предмет был известен на Кавказе, по крайней мере, с VI в. до н.э.

На эпоху раннего железного века указывает и этимология осетинского слова «фынг» (трехногий осетинский стол), приведенная В.И. Абаевым. Он рассмотрел несколько вариантов генезиса слова: местное кавказское и индоевропейское и сделал вывод, что слово было либо родственным индоевропейским (персид-

скому, древнеиндийскому) словам со значением «доска», «блюдо», «чаша», «палка», либо заимствованно у греков еще в скифскую эпоху (Абаев, 1996. С. 498). В любом случае, как отмечал В.С. Уарзиати, этимология указывает на «впечатляющий возраст» столиков на трех ножках (Уарзиати, 1995. С. 108).

Продолжая тему греческого влияния, стоит вспомнить вслед за В.И. Абаевым описание в «Анабасисе» Ксенофонта (ок. 430–350 гг. до н.э.) трехногих столиков у фракийцев (Xen. Anab. VII. 3. 21). Трехногие столики-трапедзы, в частности, с ножками в виде ног животных (влияние египетской традиции), были широко распространены в Греции, особенно с эпохи эллинизма. Верхняя часть ножек могла быть оформлена в виде головки животного (Цветаева, 1984. Табл. CXXIX, 29). В основном, трапедзы изготавливались из дерева, но иногда из мрамора и металла (Цветаева, 1984. Табл. CXXIX, 29–32).

Трехногие столики с зооморфными ножками и характерной изогнутостью, как наследие греческого мира, были восприняты и широко распространены в Римской империи и на территориях, испытывавшим ее культурное влияние (рис. 4, 8). Находки самих столиков и их фресковые изображения есть в Геркулануме и Помпеях (79 г. н.э.). Они нередки на барельефах погребальных памятников. Изображение трехногого столика на росписях склепа Анфестерия в Керчи (Гайдукевич, 1949. С. 402, 403. Рис. 71) (рис. 4, 9) в настоящее время датируется втор. пол. I в. н.э. (Яценко, 1995. С. 192). Так как на фресках проступают степные мотивы, связанные с сармато-аланским миром (Гайдукевич, 1949. С. 402, 403; Яценко, 1995. С. 192, 193), ряд исследователей проводили параллель между данным изображением и осетинским фынгом (Кузнецов, 1993. С. 158; Цуциев, 2009). В настоящее время эта точка зрения пересматривается. А.А. Туаллагов справедливо обосновывает связь этого изображения с греко-римским миром (Туаллагов, 2015а. С. 104; 2015б. С. 105, 108). Вместе с тем, на фресках четко прослеживается взаимопроникновение степной и греко-римской культур. Изображение столиков греко-римского облика (с изогнутыми ножками) можно увидеть не только в склепе Анфестерия, но и в росписях из склепа 1975 г. в Горгии начала III в. н.э. (Кобылина, 1984. Табл. CX, 3).

Археологических свидетельств использования на Кавказе столиков в первых веках н.э. крайне мало. I в. н.э. датируется деревянный

сер./втор. пол. VII — начала VI в. до н.э. (Махортых, 1991. С. 76). По мнению В.Е. Маслова, он датируется не позднее рубежа VII–VI в. до н.э., а скорее в пределах последней трети VII в. до н.э.

³ Производство столика на Кавказе, по мнению С.В. Кузьминых, возможно, но без сопоставления с образцами из Передней Азии делать какие-либо определенные выводы преждевременно.

столлик-поднос на четырех съемных ножках со столешницей в форме чаши и двумя зооморфными ручками из Карабудахкента (Гаджиев, Давудов, 2010. С. 352–361).

Керамические миски на трех ножках были найдены на цитадели городища Таргу при исследовании здания храмового облика в слое албано-сарматского времени и датируются близко по времени к находке из Карабудахкента. Диаметры мисок, судя по иллюстрации, 19 и 23 см, глубина чаш около 6,5 см, высота не реконструируется, так как ножки снизу отбиты (Гаджиев, Давудов 2010. С. 353, 363. Рис. 2, 4, 5). М.С. Гаджиев и Ш.О. Давудов считают, что эти миски представляют собой идею развития чаши-столика, которую мы фиксируем на Кавказе в эпоху средней бронзы. Однако стоит подчеркнуть, что чаши из Таргу имеют уже три ножки (рис. 4, 2, 3).

В III в. н.э. идея чаши-столика на трех ножках получает продолжение в контексте аланской культуры. При этом столешница-чаша бесланской находки, по сравнению с чашами Таргу, неглубокая и наиболее приближена к идее столика.

К периоду раннего и развитого средневековья относятся несколько деревянных столиков с круглой столешницей, иногда с бортиком и съемными ножками. Это находки из катакомб № 11 Архона, № 1 и 72 Даргавса, № 8 Кольцо-горы, № 48 и 52 Рим-горы, а также случайные находки из скальных захоронений Хасаута и из Гамовской балки (раскопки И.В. Каминской). Столик из Гамовской балки не опубликован (могильник датируется IX–X в. н.э.) (Кузнецов, 1993. С. 159; Туаллагов, 2015а. С. 102). Суммарная датировка всех найденных столиков – VIII–XII в. н.э.

Два наиболее ранних из указанных экземпляров найдены при раскопках Е.Г. Пчелиной катакомбы № 11 Архонского могильника (по: Кузнецов, 1993. С. 158). Катакомба предварительно датирована автором раскопок VII–IX в. н.э. Из описания инвентаря⁴ следует, что в ней была найдена мотыжка, серьги с подвижной колонкой, амулет с 4 птичьими головками, бронзовые литые пуговицы с высокими подпрямоугольными пластинчатыми петлями, бронзовые полые пуговицы, схожие с бубенчиками, бусы характерные для салтово-маяцкого круга древностей и др. По набору вещей, катакомба, скорее всего, датировалась серединой VIII–IX в. н.э.

⁴ Выражаем благодарность В.Б. Ковалевской за любезное предоставление копии отчета Е.Г. Пчелиной.

Катакомба № 1 Даргавса (Дзаттиаты, 2014. С. 66. Табл. XI) датируется концом IX–X в. н.э. В камере было совершено несколько захоронений; их количество не восстанавливается из-за плохой сохранности костей и перемещенного инвентаря. Если поверхность столика не была деформирована, то можно сказать, что столешница имела форму блюда, края которого слегка и плавно понижались к центральной части. Диаметр другой более сохранной столешницы был около 40 см. Ее центральная часть снизу усилена утолщением диаметром около 17 см, в котором находились 3 прямоугольных паза для ножек, а также небольшой паз квадратной формы в центре. Одна из ножек сохранилась на длину около 19 см. Диаметр столика из катакомбы № 72 составлял около 40 см, столешница имела бортик, а также пару отверстий по краю, видимо, для подвешивания. В одном из пазов для крепления ножек сохранились отверстие для фиксирующего штифта и деревянный штифт (промеры по: Туаллагов, 2015а. С. 103).

Столики с круглой столешницей и выраженным бортиком обнаружены А.П. Руничем в катакомбах X–XII в. н.э. № 48 и 52 Рим-горы. Столик из катакомбы № 48 (рис. 4, 5) имел столешницу диаметром 38–40 см (согласно рисунку из отчета – ок. 30 см), длина ножек – ок. 27 см (Рунич, 1966. Рис. 6, 1; 1970. С. 202, 203. Рис. 6, 1). Диаметр столика из катакомбы № 52 – ок. 30 см (согласно отчету), ножки не сохранились (Рунич, 1966. Рис. 11, 1). На столиках стояли деревянные и керамические сосуды (керамические сосуды со временем упали на дно камер).

Морфологически близкий столик с диаметром столешницы 38–40 см был найден среди разрозненных находок скального могильника Хасаут (Рунич, 1971. С. 171. Рис. 4, 7) (рис. 4, 6).

Концом XI – перв. пол. XII в. н.э. С.Н. Савенко датировал катакомбу № 8 Кольцо-горы (совместные раскопки С.Н. Савенко и Я.Б. Березина; Савенко, 1986. Рис. 3, 1). Судя по рисунку, столешница была плоской и без бортика, диаметром ок. 40 см; предполагаемая длина ножек – ок. 30 см (рис. 4, 7).

Несмотря на заметно варьирующие диаметры столешниц описанных деревянных столиков (расхождения до 10 см при сопоставлении с масштабами к рисункам в отчетной документации и публикациях), можно предположить, что при их изготовлении явно использовалась такая древняя мера длины, как локоть.

Столики конца VIII–XII в. н.э. дожили до наших дней практически в неизменном виде. Многие исследователи обращали внимание на тесную генетическую связь археологических и этнографических экземпляров столиков. Однако впервые специально этой теме коснулся В.А. Кузнецов, обобщив все известные на 1993 г. археологические находки (Кузнецов, 1993. С. 156–159). Небольшие деревянные трехногие столики до сих пор распространены у кавказских народов, параллели им есть и за пределами Кавказа (Гаджиев, Давудов, 2010. С. 355; Туаллагов, 2015. С. 101).

Древние (дохристианские и домусульманские) представления о культовой, сакральной роли столика сохранились лишь в этнографии и мифологии осетин (Уарзиати, 1990. С. 70). Мы не будем давать им развернутой характеристики; эта тема неоднократно поднималась в литературе (библиографию см: Гаджиев, Давудов, 2010; Кузнецов, 1993. С. 156–159; Туаллагов, 2015а, 2015б; Уарзиати, 1995. С. 108–114).

Применительно к бесланской находке особый интерес представляет аспект культовых представлений об осетинском столике-фынге, связанный с погребальной обрядностью, который был зафиксирован О.А. Габуевой в с. Даллагкау в с. В. Дзуарикау в 1971 г. Эти исследования позволяют предположить, что столик рассматривался как жертвенник и кормилец не только живых — в этом же качестве он посвящался умершим. Согласно традиции, стол специально изготавливался ко дню “новогодних годовых поминок”. В ходе поминальной тризны, после поминальной речи произносилось посвящение: “Жертвуем тебе этот фынг”. После обряда столик принадлежал умершему, его бережно хранили и никому не передавали, пользуясь им лишь в поминальные дни (Габуева, 1977. С. 90). Столики выступали посредниками между миром мертвых и живых. Находки столиков в древних погребениях говорят о том, что в прежние времена столик могли жертвовать в день погребения и класть непосредственно в могилу.

Подобные традиции наблюдались и в отношении чаш. Это важно в связи с тем, что в случае с бесланской находкой нельзя не допустить, что он мог выполнять и роль чаши/миски. Чаши у осетин могли посвящаться святым, нартовским героям, праздникам и членам семьи, и, соответственно, использовались только при определенных случаях и определенными людьми

(Габуева, 1977. С. 89). На схожесть отношения (в религиозно-культовом понимании) к чашам и столикам в осетинской традиционной культуре обратил внимание А.А. Туаллагов (Туаллагов, 2015а. С. 104). То, что это отношение сложилось исторически, доказывает и вышеизложенное описание использования и эволюции столиков, подносов-блюд и чаш на ножках на Кавказе.

В заключение можно сказать, что эволюцию трехногих столиков на Кавказе из-за крайне незначительного количества ранних находок можно наметить пока только пунктирно. Насколько большую роль сыграло местное, греческое, римское, переднеазиатское и степное влияние — все еще остается вопросом. Самый ранний трехногий столик найден в скифском кургане у с. Нартан, затем в эволюционном ряду, после многовекового перерыва, следует рассматриваемая находка из погребения аланской культуры III в. н.э. из Беслана. Ее функциональное назначение размыто, но, судя по тому, как она была использована (на ней стояла кружка), все же можно предположить, что перед нами вотивный столик. Возможно, в пользу последнего говорит и отсутствие среди деревянных находок более позднего времени (в VIII–XII вв.) круглых подносов-блюд на трех низких ножках. Вместе с тем в катакомбах аланской культуры и скальных захоронениях VIII–XII вв. встречены столики с круглой столешницей и тремя съемными ножками.

Бесланская находка из погребения аланской культуры, произведенная в керамических традициях раннего этапа этой культуры, с большой долей вероятности является свидетельством бытования трехногих столиков на Кавказе в первых веках нашей эры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Репринт. воспроизведение изд. 1958 г. М.: ВИКОМ, 1996. 656 с.
- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в.н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.
- Барцева Т.Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан. (По данным спектрального анализа) // Археологические ис-

- следования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 116–134.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
- Габуева О.А. Крестьянские промыслы осетин во второй половине XIX — начале XX в. (до 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М.: ИЭ АН СССР, 1977. 197 с.
- Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента (Дагестан) // Исследования первобытной археологии Евразии: сб. ст. к 60-летию Хизри Амирхановича Амирханова / Отв. ред. и сост. О.М. Давудов. Махачкала: Наука ДНЦ РАН, 2010. С. 352–364.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
- Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. 234 с.
- Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир, 2014. 239 с.
- Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: ГЭ, 2011. 328 с.
- Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 2004. 471 с.
- Кобылина М.М. Скульптура; Живопись; Мозаика; Вазопись; Торевтика; Керамика; Театр, актеры, музыкальные инструменты // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред.: Г.А. Кошленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 212–218.
- Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского ин-та гуманитарных исследований, 1993. 184 с.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв.н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику — друзья и ученики / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 487–501.
- Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в.н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Малашев В.Ю., Албегова З.Х.-М., Меньшикова В.А., Габуев Т.А., Фризен (Куринских) О.И., Фризен С.Ю. Исследования участка Бесланского могильника в РСО-Алания // АО 2010–2013 гг. М.: ИА РАН, 2015. С. 387–389.
- Малашев В.Ю., Дзуцев Ф.С. Приложение 2. Парадные сбруйные наборы III в.н.э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В.Ю. Памятники средне-
- сарматской культуры северо-кавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в.н.э. М.: ИА РАН, 2016. С. 164–206.
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наук. думка, 1991. 136 с.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского Государственного Университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (Курганная группа у станции Манас) // СА. 1956. XXVI. С. 167–203.
- Панасюк Н.В. Раннекатакомбные курительницы степного Предкавказья // РА. 2010. № 2. С. 25–38.
- Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989 (Археология СССР). С. 216–223.
- Рунин А.П. Отчет об археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3251.
- Рунин А.П. Катакомбы Рим-горы // СА. 1970. № 2. С. 198–210.
- Рунин А.П. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178.
- Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI — первой половины XII вв. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 75–92.
- Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.
- Туалагов А.А. О некоторых археолого-этнографических параллелях // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований, 2015. С. 98–119.
- Туалагов А.А. О происхождении осетинского столика фынг // Вестник СОГУ. 2015а. № 3. С. 102–105.
- Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990. 190 с.
- Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1995. 446 с.
- Цветаева Г.А. Мебель бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред.: Г.А. Кошленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 227, 228.
- Цуцев А.А. Погребальная обрядность сарматов, алан и осетин: археолого-этнографические параллели [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iratta>.

com/materials/sarmaty/8230-pogrebalnaya-obryadnost-sarmatov-alan-iosetin-arheologo-yetnograficheskie-paralleli.html. Дата обращения: 03.03.2018.

Яценко С.А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском склепе Анфестерия // ВДИ. 1995. № 3. С. 188–194.

ALANIAN BURIAL OF THE 3RD CENTURY AD WITH A CERAMIC TABLE

Zarina Kh.-M. Albegova*, Vladimir Yu. Malashev**.

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: albegova_zarina@rambler.ru

** E-mail: malashev@yandex.ru

In the course of 2011 salvage and protection activities in the Beslan burial ground (the Republic of North Ossetia – Alania), pair grave 734 of the 3rd century AD, disturbed in ancient times, was investigated. The burial arranged in a catacomb is characteristic of the Alanian culture of the North Caucasus. Among the remaining grave goods, of special interest are a unique ceramic table on three legs and a mug with a zoomorphic handle depicting a feline predator.

Keywords: the North Caucasus, the Alanian culture, the 3rd century AD, fyng-table.

REFERENCES

- Abaev V.I., 1996. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language], I. Reprint 1958. Moscow: VIKOM. 656 p.
- Abramova M.P., 1993. Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v.n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Period (the 3rd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Bartseva T.B., 1985. The chemical composition of non-ferrous metal from the burial ground near the village of Nartan (spectral analysis data). *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations on the construction sites of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nal'chik: El'brus, pp. 116–134. (In Russ.)
- Batchaev V.M., 1985. Antiquities of the pre-Scythian and Scythian periods. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations on the construction sites of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nal'chik: El'brus, pp. 7–115. (In Russ.)
- Debirov P.M., 1982. Rez'ba po derevu v Dagestane [Wood-carving in Dagestan]. Moscow: Nauka. 234 p.
- Dzattiaty R.G., 2014. Alanskies drevnosti Dargavs [Alanian Antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz: Ir. 239 p.
- Gabuev T.A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alanian sites from central districts of the North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Gabueva O.A., 1977. Krest'yanskie promysly osetin vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (do 1917 g.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Ossetian peasants' crafts in the second half of the 19th – the early 20th century (before 1917): Doctoral Thesis in History]. Moscow: Institut etnografii AN SSSR. 197 p.
- Gadzhiev M.S., Davudov Sh.O., 2010. Carved wooden table of the early centuries AD from the vicinity of Karabudakhkent (Dagestan). *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: sbornik statey k 60-letiyu Khizri Amirkhanovicha Amirkhanova* [Studies on the archaeology of primitive Eurasia: collected papers to the 60th anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov]. O.M. Davudov, ed., comp. Makhachkala: Nauka, pp. 352–364. (In Russ.)
- Gaydukevich V.F., 1949. Bosporskoe tsarstvo [Bosporan Kingdom]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 624 p.
- Kaloev B.A., 2004. Osetiny: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Ossetians: a historical and ethnographic study]. 3rd edition, supplemented and revised. Moscow: Nauka. 471 p.
- Kobylyina M.M., 1984. Sculpture; pictorial art; mosaic; vase painting; art of metalwork; coroplastic art; theatre, actors, musical instruments. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient states of the Northern Black Sea region]. G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov, eds. Moscow: Nauka, pp. 212–218. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Kuznetsov V.A., 1993. Alano-osetinskie etyudy. [Alanian-Ossetian Studies]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 184 p.
- Makhortykh S.V., 1991. Skify na Severnom Kavkaze [Scythians in the North Caucasus]. Kiev: Naukova dumka. 136 p.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodization of the belt sets of the Late Sarmatian Period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbours on the Don], 1. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., 2007. The cultural situation in the central regions of the North Caucasus in the 2nd–5th centuries AD. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druz'ya i ucheniki* [Three quarters of the century. Friends and students: to D.V. Deopik]. N.N. Bektimirova, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 487–501. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., 2016. Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy

- poloviny II — serediny V v.n.e. [The Middle Sarmatian culture sites of the North Caucasian steppe and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the 2nd — the middle of the 5th century AD]. Moscow: IA RAN. 208 p.
- Malashev V. Yu., Albegova Z. Kh.-M., Men'shikova V.A., Gabuev T.A., Frizen (Kurinskikh) O.I., Frizen S. Yu., 2015. Investigations of a section of the Beslan burial ground in the Republic of North Ossetia-Alania. *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 gg. [Archaeological discoveries 2010–2013]*. Moscow: IA RAN, pp. 387–389. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., Dzutsev F.S., 2016. Appendix 2. Ceremonial harness equipment of the 3rd century AD from the Beslan burial ground and the issue of the Alanian culture formation in the North Caucasus. *Malashev V. Yu. Pamyatniki sredne-sarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II — serediny V v.n.e. [The Middle Sarmatian culture sites of the North Caucasian steppe and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the 2nd — the middle of the 5th century AD]*. Moscow: IA RAN, pp. 164–206. (In Russ.)
- Moshkova M.G., Malashev V. Ju., 1999. The chronology and typology of the Sarmatian catacomb burial structures. *Nauchnye shkoly Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v jepohu ranne-go zheleza i srednevekov'ja [Scientific Schools of Volgograd State University. Archaeology of the Volga-Urals Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]*. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, pp. 172–212. (In Russ.)
- Munchaev R.M., Smirnov K.F., 1956. A Bronze Age site in Dagestan (Mound group near Manas station). *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, XVI, pp. 167–203. (In Russ.)
- Panasyuk N.V., 2010. Early catacomb censors of the steppe Ciscaucasia. *Russ. Arkheol.*, 2, pp. 25–38. (In Russ.)
- Petrenko V.G., 1989. Scythians in the North Caucasus. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The Steppe of the USSR European part in the Scythian-Sarmatian Period]* B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 216–223. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Runich A.P. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v ray-one Kavminvod za 1966 god [Report on archaeological reconnaissance in the district of Caucasian Spas in 1966]. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]*, R-1, № 3251 (Unpublished).
- Runich A.P., 1970. Catacombs of Rim-gora. *SA [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 198–210. (In Russ.)
- Runich A.P., 1971. Rock burials in the vicinity of Kislovodsk. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 167–178. (In Russ.)
- Savenko S.N., 1986. Ethnocultural characteristics of the rich burials of the late 11th—first half of 12th century in the Koltso-gora burial ground. *Etnokul'turnye problemy bronzovogo veka Severnogo Kavkaza [Ethnocultural issues of the Bronze Age in the North Caucasus]*. T.B. Turgiev, ed. Ordzhonikidze: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 75–92. (In Russ.)
- Smirnov K.F., 1972. The Sarmatian catacomb burials in the Southern Ciscrals and in the Volga region and their relation to those of the North Caucasus // *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp.73–81. (In Russ.)
- Tsutsiev A.A. Pogrebal'naya obryadnost' sarmatov, alan i osetin: arkheologo-etnograficheskie paralleli. Elektronnyy resurs [Burial ceremonies of the Samatians, Alanians and Ossertians: archaeological and ethnographic parallels. Electronic source]. URL: <http://iratta.com/materials/sarmaty/8230-pogrebalnaya-obryadnost-sarmatov-alan-iosetin-arxeologo-yetnograficheskie-paralleli.html>.
- Tsvetaeva G.A., 1984. Furniture, household utensils, heating, lighting, toileware, and toys. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Ancient states of the Northern Black Sea region]*. G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov, eds. Moscow: Nauka, pp. 227, 228. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Tuallagov A.A., 2015a. The origin of the Ossetian fyng-table. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova [The Journal of K.L. Khetagurov North Ossetian State University]*, 3, pp. 102–105. (In Russ.)
- Tuallagov A.A., 2015b. Certain archaeological and ethnographic parallels. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza [Archaeology and ethnology of the North Caucasus]*, 5. B. Kh. Bgazhnokov, ed. Nal'chik: Izdatel'stvo Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, pp. 98–119. (In Russ.)
- Uarziati V.S., 1990. Kul'tura osetin: svyazi s narodami Kavkaza [The Ossetian Culture: connections with the peoples of the caucasus]. Ordzhonikidze: Ir. 190 p.
- Uarziati V.S., 1995. Prazdnichnyy mir osetin [The Festival world of the Ossetians]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. 446 p.
- Yatsenko S.A., 1995. Sarmatian-Alanian subject of the wall-painting in the “Crypt of Anthesterios” in Panticapaeum. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 3, pp. 188–194. (In Russ.)
- Zasetskaya I.P., 2011. Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad [The treasures of Khokhlach Mound. Novocherkassk hoard]. St. Petersburg: GE. 328 p.